

Николай Добролюбов

Письмо из провинции



Николай Александрович Добролюбов

Письмо из провинции

«Письмо из провинции» – один из самых интересных и важных документов, вышедших из кругов революционной демократии в эпоху падения крепостного права, бесценный памятник русской бесцензурной речи. Документ имеет первостепенное значение для понимания сложного комплекса проблем, связанных с взаимоотношениями двух центров революционной демократии, а именно: лондонского, заграничного, во главе с Герценом и Огаревым, и внутрирусского, петербургского, возглавляемого Чернышевским и Добролюбовым. И тот и другой боролись за сплочение демократических сил страны, за ликвидацию самодержавия и крепостничества, но существенно расходились между собой по важнейшим вопросам революционной тактики.

Содержание

#1	0005
Комментарии	0017

**Николай Александрович
Добролюбов
Письмо из провинции**

Январь 1860 года

Милостивый государь!

На чужой стороне в далекой Англии вы, по собственным словам вашим, возвысили голос за русский народ, угнетаемый царскою властью; вы показали России, что такое свободное слово{1}... и зато, вы это уже знаете, все, что есть живого и честного в России, с радостью, с восторгом встретило начало вашего предприятия, и все ждали, что вы станете обличителем царского гнета, что вы раскроете перед Россией источник ее вековых бедствий, – это несчастное идолопоклонство перед царским ликом, обнаружите всю гнусность верноподданнического раболепия. И что же? Вместо грозных обличений неправды с берегов Темзы несутся к нам гимны Александру II{2}, его супруге (столь пекущимся о любезном вам православию с отцом Бажановым). Вы взяли на себя великую роль, и потому каждое ваше слово должно быть глубоко взвешено и рассчитано, каждая строка в вашей газете должна[1] быть делом расчета, а не увлечения: увлечение в деле политики бывает иногда хуже преступления... Помните

ли, когда-то вы сказали, что России при ее пробуждении может предстоять опасность, если либералы и народ не поймут друг друга, разойдутся, и что из этого может выйти страшное бедствие – новое торжество царской власти. Может быть, это пробуждение недалеко; царские шпицрутены, щедро раздаваемые верноподданным за разбитие царских кабаков{3}, разбудят Россию скорее, чем шепот нашей литературы о народных бедствиях, скорее мерных ударов вашего «Колокола»...

Но чем ближе пробуждение, тем сильнее грозит опасность, о которой вы говорили... и об отвращении которой вы не думаете... По всему видно, что о России настоящей вы имеете ложное понятие. Помещики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкивают вас надеждами на прогрессивные стремления нашего правительства. Но не все же в России обманываются призраками... Дело вот в чем: к концу царствования Николая все люди, искренно и глубоко любящие Россию, пришли к убеждению, что только силою можно вырвать у царской власти челове-

ческие права для народа, что только те права прочны, которые завоеваны, и что то, что дается, то легко и отнимается. Николай умер, все обрадовались, и энергические мысли заменились сладостными надеждами, и поэтому теперь становится жаль Николая. Да я всегда думал, что он скорее довел бы дело до конца; машина давно бы лопнула. Но Николай сам это понимал и при помощи Мандта предупредил неизбежную и грозную катастрофу {4}. Война шла дурно, удар за ударом, поражение за поражением – глухой ропот поднимался из-под земли! Вы писали в первой[2] «*Полярной Звезде*», что народ в эту войну шел вместе с царем, и потому царь будет зависеть от народа{5}. Из этих слов видно только, что вы в вашем прекрасном далеко забыли, что такое русские газеты, и на слово поверили их возгласам о народном одушевлении за отечество. Правда, иногда случалось, что крепостные охотно шли в ополчение, не только потому, что они надеялись за это получить свободу. Но чтоб русский народ в эту войну заодно шел с царем, – нет. Я жил во время войны в глухой провинции, жил и таскался среди на-

рода{6}, и смело скажу вам вот что: когда англо-французы высадились в Крым, то народ ждал от них освобождения, крепостные от помещичьей неволи, раскольники ждали от них свободы вероисповедания. Подумайте об этом расположении умов народа в конце царствования Николая, а вместе с тем о раздражении людей образованных, нагло на каждом шагу оскорбляемых николаевским деспотизмом, и мысль, что незабвенный мог бы не так спокойно кончить жизнь, не покажется вам мечтою. Да, как говорит какой-то поэт, счастье было так близко, так возможно{7}. Тогда люди прогресса из так называемых образованных сословий не разошлись бы с народом; а теперь это возможно, и вот почему: с начала царствования Александра II немного распустили ошейник, туго натянутый Николаем, и мы чуть-чуть не подумали, что мы уже свободны, а после издания рескриптов все очутились в чаду, как будто дело было кончено, крестьяне свободны и с землей; все заговорили об умеренности, об мирном[3] прогрессе, забывши, что дело крестьян вручено помещикам, которые охулки не положат

на руку свою. Поднялся такой чад от либеральных курений Александру II, что ничего нельзя было разглядеть, но, опустившись к земле (что делают крестьяне во время топки в курных избах), можно еще было не отчаиваться. Вслушиваясь в крестьянские толки, можно было с радостью видеть, что народ не увлекут[4] 12 лет рабства под гнетом переходного состояния, и что мысль, наделят ли крестьян землею, у народа была на первом плане. А либералы? Профессора, литераторы пустили тотчас же в ход эстляндские, прусские и всякие положения, которые отнимали у крестьян землю{8}. Догадливы наши либералы! Да и теперь большая часть из них еще не разрешила себе вопроса насчет крестьянской земли. А в правительстве в каком положении в настоящее время крестьянский вопрос? В большей части губернских комитетов положили страшные цены за земли; центральный комитет делает черт знает что: сегодня решает отпустить с землею, завтра без земли, даже, кажется, не совсем брошена мысль о переходном состоянии{9}. Среди этих бесполезных толков желания крестьян растут; при по-

явлении рескриптов можно было еще спокойно взять за землю дорогую цену, крестьяне охотно бы заплатили, лишь бы избавиться от переходного состояния; теперь они спохватились уже, что нечего платить за вещь 50 целковых, которая стоит семь{10}. Вместе с этим растут и заблуждения либералов: они все еще надеются мирного и безобидного для крестьян решения вопроса. Одним словом, крестьяне и либералы идут в разные стороны. Крестьяне, которых помещики тиранят теперь с каким-то особенным ожесточением, готовы с отчаяния взяться за топоры, а либералы проповедают в эту пору умеренность, исторический постепенный прогресс и кто их знает что еще. Что из этого выйдет? Выйдет ли из этого, в случае, если народ без руководителей возьмется за топор, путаница, в которой царь, как в мутной воде, половит рыбки, или выйдет что-нибудь и хорошее, но вместо с Собакевичами и Ноздревыми погибнет и наше всякое либеральное поколение, не сумевши пристать к народному движению и руководить им? Если выйдет первое, то ужасно; если второе, то, разумеется, жалеть нечего.

Что жалеть об этих франтах в желтых перчатках, толкующих о демокраси в Америке{11} и не знающих, что делать дома, об этих франтах, проникнутых презрением к народу, уверенных, что из русского народа ничего не выйдет, хотя в сущности не выйдет из них-то ничего... Но об этих господах толковать нечего, есть другого сорта люди, которые желают действительно народу добра, но не видят перед собою пропасти и с пылкими надеждами, увлеченные в общий водоворот умеренности, ждут всего от правительства и дождутся, когда их Александр засадит в крепость за пылкие надежды, если они будут жаловаться, что последние не исполнились, или народ подведет <их> под один уровень с своими притеснителями. Что же сделано вами для отвращения этой грядущей беды? Вы, смущенные голосами либералов-бар, вы после первых номеров «Колокола» переменили тон. Вы заговорили благосклонно об августейшей фамилии; об августейших путешественниках говорили уже иначе, чем об августейшей путешественнице. Зато с особенною яростью напали на Орловых, Паниных, Закревских. В них бе-

да, они мешают Александру II! Бедный Александр II! Мне жаль его; видите, его принуждают так окружать себя – бедное дитя, мне жаль его! Он желает России добра, но злодеи окружающие мешают ему!{12} И вот вы, вы, автор «С того берега» и «Писем из Италии», поете ту же песню, которая сотни лет губит Россию. Вы не должны ни минуты забывать, что он – самодержавный царь, что от его воли зависит прогнать всех этих господ, как он прогнал Клейнмихеля. Но Клейнмихеля нужно было ему прогнать по известному правилу Маккиавели – в новое царствование жертвовать народной ненависти любимым министром прежнего царствования, и вот Клейнмихель очутился козлом очищения за царствование Николая. Согласитесь, ведь жертва ничтожна? Но как бы то ни было, либералы восторжались и этим фактом, забыв, что Николай также прогнал Аракчеева; что же из этого? Неужели на эту удочку всегда будут поддаваться? Или, может быть, вы серьезно убеждены, что Александр слушается вашего «Колокола»? Полноте... Сколько раз вы кричали: «долой Закревского, долой старого холопа!», а

старый холоп все правил Москвой, пока собственная дочь не уходила его{13}. Да разве Москва за свою глупую любовь к царям стоит лучшего губернатора? Будет с нее и такого... Говорят даже, Александр II нарочно его держал губернатором, чтобы не показать, что он слушает *«Колокола»*. Это может быть. И это нисколько не противоречит слуху, что вы переписываетесь с императрицей.[5] Что же, она может вас уверять, что муж ее желает России счастья и даже свободы, но что теперь рано. Так обольстил, по рассказу Мицкевича, Николай I Пушкина{14}. Помните ли этот рассказ, когда Николай призвал к себе Пушкина и сказал ему: «Ты меня ненавидишь за то, что я раздавил ту партию, к которой ты принадлежал; но, верь мне, я так же люблю Россию, я – не враг русскому народу, я ему желаю свободы, но ему нужно сперва укрепиться». И 30 лет укреплял он русский народ. Может быть, это анекдот – и выдумка, но он – в царском духе, то есть брать обольщением, обманом там, где неловко употребить силу. Но как бы то ни было, сближение с двором погубило Пушкина... Как ни чисты ваши побуждения, но, я

уверен, придет время, вы пожалеете о своем снисхождении к августейшему дому. Посмотрите, Александр II скоро покажет николаевские зубы. Не увлекайтесь толками о нашем прогрессе, мы все еще стоим на одном месте, во время великого крестьянского вопроса нам дали на потеху, для развлечения нашего внимания безыменную гласность; но чуть дело коснется дела, тут и прихлопнут. Так и теперь господин Галилеянин запретил писать о духовенстве и об откупах{15}. Нет, не обманывайтесь надеждами и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы. Надежда в деле политики – золотая цепь, которую легко обратить в кандалы подающей ее. В то время, как вы так снисходительны стали к августейшему дому, само православие в лице умнейших своих представителей желало бы отделаться от союза с ним. Да, в духовенстве являются люди, которые прямо говорят, что правительство своею опекою убьет православие, но, к счастью, ни Григорий, ни Филарет не понимают этого! Так пусть они вместе гибнут, но вам какое дело до этих догнивающих трупов? Притом Га-

лилеянин продолжает так ревновать о вере, что раскольники толпами бегут в Австрию и Турцию, даже вешают у себя на стенах портреты Франца-Иосифа вместо Александра II. Вот подарок славянофилам! Что, если Франц-Иосиф вздумает дать австрийским славянам свободную конституцию? Ведь роли между Голштинцами{16} и Габсбургами переменяются. Вот была бы потеха. Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! Эту мысль уже вам, кажется, высказывали{17}, и оно удивительно верно, – другого спасения нет. Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать.

С глубоким к вам уважением
Русский человек.

Я просил бы напечатать вас это письмо, и

если вы печатаете письма врагов ваших, то
отчего же бы не напечатать письмо одного из
друзей ваших?

Комментарии

Опубликовано в «Колоколе» 1 марта 1860 г. за подписью «Русский человек».

«Письмо из провинции» – один из самых интересных и важных документов, вышедших из кругов революционной демократии в эпоху падения крепостного права, бесценный памятник русской бесцензурной речи. Документ имеет первостепенное значение для понимания сложного комплекса проблем, связанных с взаимоотношениями двух центров революционной демократии, а именно: лондонского, заграничного, во главе с Герценом и Огаревым, и внутрирусского, петербургского, возглавляемого Чернышевским и Добролюбовым. И тот и другой боролись за сплочение демократических сил страны, за ликвидацию самодержавия и крепостничества, но существенно расходились между собой по важнейшим вопросам революционной тактики. К тому же Герцену, в меньшей мере Огареву, были присущи отступления в сторону либерализма. Именно о них и идет речь в «Письме». Имеющиеся в распоряжении исследователей

данные неопровержимо свидетельствуют, что документ вышел из круга руководителей «Современника», далее же полного единства взглядов среди специалистов нет, приводятся доводы в пользу авторства как Чернышевского, так и Добролюбова. Еще М. Лемке писал, что автор письма – Чернышевский, ссылаясь на свидетельство А. Слепцова. Однако из слов последнего ясно, что Чернышевский ознакомил Слепцова с содержанием письма, но равным счетом ничего не говорил об авторе документа. Более точное указание об авторстве Добролюбова содержится в брошюре А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», изданной в Швейцарии в 1867 году. Брошюра содержит убедительный перечень отступлений Герцена в сторону либерализма и напоминает о соответствующей оценке этих грехопадений Чернышевским и Добролюбовым. Внимательное изучение текста письма показывает, что оценки ряда событий, содержащихся в «Письме», очень близки соответствующим высказываниям Добролюбова. Сопоставление всех известных фактов об отношении Добролюбова к Герцену, включая такие вопросы,

как поездка Чернышевского в Лондон в 1859 году, встреча Добролюбова с Герценом годом позже, сотрудничество двух революционных центров в подготовке и обсуждении программы «Великорусса», активное участие в последнем Добролюбова свидетельствуют в пользу вывода, что автором «Письма из провинции» был Н. А. Добролюбов. Нельзя также не обратить внимания, что в том же 1859 году Добролюбов дважды в «Свистке» печатал статьи под тем же названием – «письмо из провинции», резко выступая в них против «обличительства».

Сноски

1

В «Колоколе» опечатка: должны. – *Ред.*

[^^^]

2

То есть в первом номере «Полярной звезды». –
Ред.

[^^^]

3

В «Колоколе» напечатано: «обширном». – *Ред.*

[^^^]

4

В «Колоколе» напечатано: «не увлечет». – *Ред.*

[^^^]

5

Примечание А. И. Герцена: «Неужели речь идет о моем письме к императрице Марии Александровне о воспитании наследника?»

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Письмо написано в редакцию герценовского «Колокола».

[^^^]

2

Об этих «гимнах» В. И. Ленин писал, что их нельзя «читать без отвращения» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 259).

[^^^]

Система предоставления царским правительством монополии на продажу вина (откупная система), дозволившая откупщикам-монополистам фальсифицировать вино и продавать его по сильно повышенным ценам, вызвала во многих местах отказ крестьян от употребления вина (в Ковенской губернии в 1856 году, в Приволжском крае в 1859 году, в Орловской, Московской, Ярославской и других губерниях в 1859 году). Отказ вызвал репрессии со стороны царских властей. Но репрессии привели лишь к углублению движения: крестьяне разбивали питейные дома, оказывали вооруженное сопротивление царским войскам, вызванным на усмирение «питейных бунтов». В двенадцати губерниях в 1859 году было разбито двести двадцать питейных домов. Об этом Добролюбов писал в статье «Народное дело».

[^^^]

4

Мандт Мартьян Вильгельм (1800–1857) – врач, лейб-медик Николая I.

[^^^]

5

В № 1 «Полярной звезды» напечатано объявление, что народ вынужден «поправить свою кровью царскую вину» (то есть вину Николая I), а с вступлением на престол Александра II в 1855 году «война становится народной. Народ снова имеет нечто общее с царем – оттого-то царь и будет зависеть от него».

[^^^]

Это место является одним из аргументов, приводимых сторонниками взгляда о непринадлежности «Письма из провинции» Чернышевскому: Чернышевский во время Крымской войны жил в Петербурге и среди народа «не таскался»; Н. А. Добролюбов, как известно, жил и в Нижнем, а его дневниковые записи говорят о внимании к народным толкам времен войны.

[^^^]

7

Быть может, автор и в этом месте пытается навести царскую охранку на ложный след. Во всяком случае, кто бы ни был автор «Письма из провинции», нельзя предположить, что ему неизвестен автор строфы из «Евгения Онегина».

[^^^]

8

По эстляндским, прусским и другим положениям о крестьянском устройстве – крестьяне освобождались лично, не получая от помещиков землю. Об этих положениях, расхваливая их, много писала русская либеральная печать: они весьма устраивали охотников до дешевой и «свободной» рабочей силы. Об этих положениях, но, разумеется, с другой оценкой, писал и Чернышевский, писал и Добролюбов.

[^^^]

Переходное состояние – состояние «срочно-обязанных», которое проектировалось царским рескриптом и редакционными комиссиями. По этому проекту крестьяне в течение двенадцати лет оставались прикрепленными к земле до полного ее выкупа и должны были работать на помещика, как работали до «освобождения». Проект был осуществлен (с незначительными изменениями) в «Положении» 19 февраля; по этому «Положению» крестьяне стали называться «временно-обязанными».

[^^^]

Такую же мысль проводит Чернышевский в статьях по крестьянскому вопросу («О необходимости держаться возможно умеренных цифр при определении величины выкупа усадеб», «Труден ли выкуп земли?», «Материалы для решения крестьянского вопроса»).

Но с другой стороны большое внимание этим проблемам уделил и Добролюбов, например, в статье «Литературные мелочи прошлого года». Поскольку аграрно-крестьянский вопрос – центральный во всей публицистике тех лет, само по себе внимание к нему не решает вопроса об авторе.

[^^^]

Имеется в виду книга Токвилля «Демократия в Америке», которая вызвала большой интерес в различных кругах русского общества, оживленные споры как между демократами и либералами, так и среди последних (например, между Чичериным и Катковым). Рецензии были в «Современнике» и «Русском слове», Чернышевский использовал эту книгу в период борьбы за программу «Великорусса» (см. Чернышевский Н. Г. «Письма без адреса», М., «Современник», 1979).

[^^^]

Фамилии Орлова, Панина, Закревского Герцен называет в статье «1860» (1 января 1860 г., «Колокол»). Не отказавшись от славословия царю за рескрипт 1857 года, Герцен опасается, что царское окружение помешает ему провести в жизнь обещанные реформы. «Нельзя прогнать Клейнмихеля и оставить Панина, Муравьева (который зевает), Орлова, Мухомовского, Горчакова и пр. С этими ядрами даже знаменитый скороход... не ушел бы далеко». Статья Герцена заканчивается призывом к царю «проснуться»: «Вас обманывают, пишет Герцен, вы сами обманываетесь, это – святки, все – ряженые. Велите снять маски и посмотрите хорошенько, кто друзья России и кто любит только свою чистую выгоду. Вам это потому вдвое важнее, что еще друзья России могут быть и вашими».

[^^^]

Московский генерал-губернатор Закревский был в апреле 1859 года отставлен царем за скандальную историю с его дочерью: будучи замужем за графом Нессельроде, она вторично вышла замуж за князе Друцкого-Соколинского, для чего понадобилось совершить подлог о якобы состоявшемся разводе с первым мужем. Закревский известен как крайний реакционер, гонитель прогрессивной мысли и революционного движения.

[^^^]

Речь идет, по-видимому, о статье польского писателя Адама Мицкевича в парижском сенсимонистском «Глоб» от 25 мая 1837 года «Александр Пушкин» за подписью «Один из друзей Пушкина» (статья в русском переводе напечатана в сборнике «Памяти А. С. Пушкина», издание журнала «Жизнь», СПб., 1889, с. 166, сл.). В статье Мицкевича имеются сведения о том, что Николай пытался «обольстить» поэта, имея заднюю мысль направить его творчество на защиту самодержавия.

[^^^]

Автор иронизирует над обращением Герцена в статье «Через три года» к царю: «Ты победил, галилеянин!» Запрет цензуры писать о духовенстве и откупах последовал после статей Добролюбова в № 6 «Свистка» «Мысли светского человека о книге «Описание сельского духовенства» (книга священника И. С. Беллюстина, изданная за границей) и «Народное дело» (о крестьянских волнениях в связи с откупами).

[^^^]

Голштинцы – намек на немецкое происхождение Романовых.

[^^^]

Сторонники мнения о принадлежности «Письма из провинции» Чернышевскому высказывают предположение, что автор (Чернышевский) напоминает Герцену о личной беседе в Лондоне, во время которой Чернышевский пытался убедить Герцена отказаться от либеральных иллюзий.

Из текста, однако, скорее следует вывод, что автору письма была известно содержание беседы Чернышевского и Герцена. Это подтверждение, что письмо вышло из круга сотрудников «Современника», но не более того.

[^^^]

[^^^]